

Есть имена-символы, имена, в которые вмещаются наши представления о прекрасном. Сегодня — день рождения Галины Сергеевны УЛАНОВОЙ, которую знает и любит весь мир, которая являет высочайший пример служения искусству. Дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий СССР Галине Улановой — семьдесят пять. С днем рождения, Галина Сергеевна!

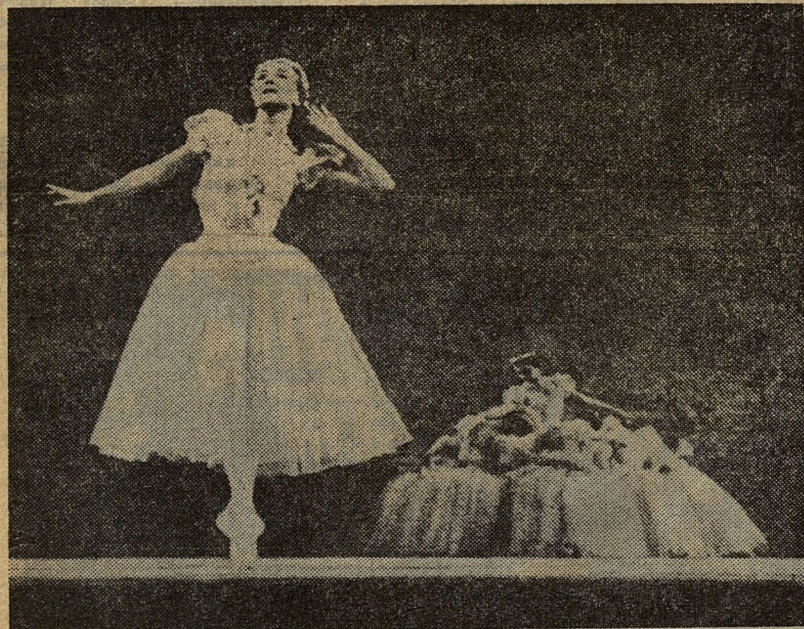
— Галина Сергеевна, какой дорогой или вы от юности к зрелости? Что посоветовали бы вы молодым?

— Я выстраивала свою жизнь постепенно... Не торопиться, как в спорте, чтобы быстрее других прийти к цели, а идти к ней терпеливо и честно. Любая жизнь не обходится без самоограничений, без умения от чего-то отказываться. Мне кажется, все удастся, если человек строит свою жизнь сам. Это трудно, но надежно.

«Она — гений русского балета, его неуловимая душа, его вдохновенная поэзия... во всех созданиях Улановой вы почувствуете ее острый, пылкий, проникновенный ум...»

Сергей Прокофьев.

«Метод Улановой удивил меня своей парадоксальностью. В нем не было ничего парочито наставнического. Отсутствие какой бы то ни было снисходительности и в то же время душевная теплота, с какой относилась знаменитая балерина к совсем еще юной танцовщице, никак не соответствовали моим представлениям о взаимоотношениях между учителем и учеником».

Альберт Кан.

ТРИ ВЕЧЕРА С ГАЛИНОЙ УЛАНОВОЙ

ПОСЛЕДНИЕ короткие дни уходящего года. Ранние синеватые сумерки ступились над набережной, около которой мороз кажется еще злее. Я бегу от автобуса и вижу впереди легкую фигуру, чье изящество не скрывает мхатая меховая шубка.

— Галина Сергеевна, вы пешком?

— Я часто с работы хожу пешком.

— Но такой холода...

— Ну и что, в холод просто быстрее идти.

Говорят, время безжалостно. Говорят, время неумолимо. Когда оказываешься рядом с Галиной Сергеевной Улановой — именно когда оказываешься рядом, — начинаешь думать, что мы заглянули в тот самый двадцать первый век, в котором возраст, наверное, изменит свои пределы. Многим виделись ботинчеллиевские черты в лице Улановой. Время это сходство не стирает.

— Галина Сергеевна, Большой театр отмечает ваш юбилей...

— Что поделаешь...

— Вам это не нравится?

— Нет, мне нравится, что самая молодая моя ученица Нина Семизорова будет танцевать «Лебединое» в Большом. К сожалению, это бывает редко.

— Вам кажется, что Нина волнуется по-другому, чем вы когда-то?

— Думаю, что да. А вообще-то волнения бывают разными.

Как-то Уланова сказала о природе: «Нужно научиться ее слышать». Нужно научиться слушать Уланову. Мы так привыкли к бойко говорящим людям, к легко выступающим, готовым, не задумываясь, ответить на любой вопрос, что другой стиль речи (и жизни тоже!) часто оказывается труднее для понимания. Хотя, казалось бы, что может быть яснее этой простой, сдержанной манеры говорить. Вернее, не говорить — вспоминать вслух.

— За мое время чего только не появилось: самолет, радио, космические ракеты. Что, улыбаешься, — долго живу? Может быть, в чем-то правы те, кто считает: современность, современный ритм жизни требует своих форм выражения. И в искусстве — тоже. А все-таки классической поэзией и старинной музыкой сейчас, по моему, больше увлекаются.

Мне самолет очень нравится. Люблю летать. Но вместе с тем такая быстрота движения чем-то раздражает. Много лет вспоминаю, как я с палкой на протекте ехала от Феодосии до Коктебеля. Часа три-четыре. До сих пор помню: степь, поляны, люди...

Наша жизнь идет на таких скоростях, что хочется порой ее чем-то уравновесить. Остановиться хоть на минуту, задуматься, чуть-чуть отдохнуть. Мне кажется, человеку не хватает порой времени углубиться в себя. В природе есть свое равновесие. И в жизни мы ищем его. Как, наверное, и в «медленном» прошлом искусстве. Только, бога ради, не подумайте, что я человек несомненный. Это было бы ошибкой.

— А может быть, сила истинного искусства в том, что оно свободно от влияния времени?

— Вряд ли. Думаю, что сегодняшний классический балет не может быть повторением музейной фотографии Тальони. Конечно, время отсе-

кает архаичное, устаревшее. Но главное остается. И если говорить о назначении истинного искусства, — оно вне времени. Вне моды. Даже при теперешних хороших современных поэтах мы читаем и читаем Пушкина.

Мне, конечно, трудно судить о так называемых ультрамодных течениях в искусстве. Голый абстракции я не понимаю. В абстрактной живописи мне, правда, часто нравится сочетание цветов, а вот содержания, мысли, чувства не хватает. И о чисто формальном балете могу сказать то же. Может быть, я устарела?

— А дано ли нам, современникам, понять, что останется, а что унесет время?

— Наверное, нет... Я помню, как трудно понимали Шостаковича, как мы в свое время не понимали музыку Прокофьева. Им еще повезло, к ним признание пришло при жизни. Но ведь мы знаем и другие примеры. Кого же за это винить? Иногда современникам трудно судить, потому что великие обгоняют время. Поэтому им трудно, их не понимают. Если человек обогнал время, как понять его тем, кто живет близоруко, как говорится, одним днем?

— Мне запомнилось удивительное письмо Пастернака к вам. Можно я прочту? «Дорогая Галина Сергеевна! Я со все время мокрым лицом смотрел Вас вчера в «Золушке», — так действует на меня присутствие всего истинно большого рядом в пространстве. Я особенно рад, что видел Вас в роли, которая наряду со многими другими образами мирового вымысла выражает чудесную и победительную силу детской, покорной обстоятельности и верной себе чистоты. Поклонение этой силе тысячелетия было религией и опять же станет, и мне вчера казалось (или так заставили Вы меня подумать совершенством исполнения), что эта роль очень полно и прямо выражает Ваш собственный мир, что-то в Вас существующее, как убеждение...»

— Уж не знаю, почему Борису Леонидовичу понравилась именно Золушка. А что касается «существенного» — быть может, это была Джульетта, Жизель или Тао-Хоа? Но угадал он то, что любую роль я пропускала через свою жизнь,

свои чувства, иначе зритель не поверил бы...

— Галина Сергеевна, а насколько личность актера проявляется в роли?

— В первую очередь проявляется, наверное, то, что любил или ненавидел в образе, характере. Если актер сам свою роль не выстрадал — ничего не получится.

Когда я занимаюсь с учениками, я показываю какой-то кусок и говорю: Подожди, не повторяй, потому что это можно сделать так, а можно и по-другому. Есть и третий вариант. А теперь покажи мне, что ты хочешь, что тебе ближе. А может быть, ты предложишь что-то иное — свое. Подумай. А когда я показываю четвертый или пятый вариант, они иногда теряются: «Ой, больше не надо!»

У меня, конечно, есть опыт, но я делаю вид, что и сама не знаю — как. Мне важно разбудить их индивидуальность, найти для каждого свое. Хотя заданное «кряк» — одинаково для всех. Как в драматическом театре. Слова одни для всех, а мысль и интонация у каждого исполнителя разные. От кого-то слышалась интонация — это та же аргументация. Очень точно сказано.

— А что для вас — помните в письме — истинно большое рядом в пространстве?

— Наверное, музыка. Да, музыка.

— Галина Сергеевна, есть ли у вас, был ли у вас свой эталон в искусстве, в жизни?

— Какой эталон? Рядом были живые люди, прекрасные люди, у которых я училась всему: общению, любви, дисциплине, служению театру. Еще в Ленинграде, в Кировском театре, помню очень пожилых людей — рабочих сцены. Какой у них был точный глаз! Они были строги и справедливы и очень любили театр. Он для них был святыней.

— Вас называют «самой простой и самой загадочной» балериной XX века...

— Что касается загадочности, то она, наверное, есть в любом человеке. Знаете, очень часто человек живет, живет и так и умирает, не высказавшись. Причин здесь очень много... Мне кажется, главное и в жизни, и в искусстве — чувство меры. Не люблю ничего чрезмерного.

— Галина Сергеевна, может быть, приведете какой-то пример, объясните.

— Трудно. Это не дважды два. Это так же трудно, как сказать, что такое талант.

— Галина Сергеевна, какой дорогой шли вы от юности к зрелости? Что посоветовали бы вы молодым?

— Я выстраивала свою жизнь постепенно... Не торопиться, как в спорте, чтобы быстрее других прийти к цели, а идти к ней терпеливо и честно. Любая жизнь не обходится без самоограничений, без умения от чего-то отказываться. Мне кажется, все удастся, если человек строит свою жизнь сам. Не по звонкам, не по знакомству, а честно — сам. Это трудно, но надежно.

Хорошо, когда нет несчастий. Но плохо, когда искусственно облегчают жизнь. Иногда приходится пройти и через что-то горькое, трудное. Иначе, если нет этих переживаний, то о чем же думать? Что играть? Кстати, мне легко ничего не давалось. Это в ответ на все определения обо мне. И о загадочности, и о простоте, и о прочем.

Я старалась себя контролировать, всегда смотрела на себя как бы со стороны. Глаз у меня такой, что я вижу свои недостатки больше, чем достоинства. Я не была обидена похвалами, но я старалась их до поры не слушать, они мне мешали в работе.

— Всегда?

— Пожалуй, да. Быть может, это не применительно к сегодняшнему дню. Я во многом молодых понимаю. Но мы росли в другое время. Тогда и критика была иной. Рецензии появлялись после каждого спектакля. Правда, спектаклей было меньше. Критика была благожелательной, но писали не только об успехах — и о недостатках тоже. И потом она была разной. Одному нравилось, другому — нет. А сейчас критика чаще всего одинаково хвалит, и публика одинаково аплодирует.

Наверное, это не совсем правильно, но цветы в те годы на сцену не разрешали выносить. Быть может, потому, что и цветов тогда таких не было. Стояли скромные букетики в гримуборной...

— Разве в те далекие годы не аплодировали?

— Иногда бывало, что и занавес опускался, а в зале — тишина. Представляете, весь зал молчит. А потом, после каких-то мгновений тишины, лавина аплодисментов. Наверное, это самая серьезная и глубокая реакция зала. Когда, скажем, слушаешь музыку... После того, как она отзвучала, нужно какое-то, пусть небольшое время, чтобы переключиться. Даже на аплодисменты.

Конечно, артисту нужны любовь, признание. Но и дистанция нужна. То самое чувство меры. Я не формальный человек, но думаю, что это важно в жизни — дистанция. Без нее — неуважение и невоспитанность.

— Галина Сергеевна, я знаю, как вы отстраняете от себя ненужные встречи, разговоры. Это позиция или характер?

— Если на одной стороне весов лежало дело, работа, театр — это всегда перевешивало развлечение. В юности я, наверное, была неинтересной в обществе. Больше молчала, больше наблюдала, впитывала, как губка... Я была очень стеснительной. Да я и сейчас не люблю выступать на людях.

Времени у меня и сейчас не хватает. Я стала больше уставать, так что приходится иногда отказываться и от встреч, и от разговоров. Мне обязательно бывают порой нужны тишина, сосредоточенность, уединение.

— Мы часто говорим и пишем о том, что нас волнует в сегодняшней молодежи...

— Наверное, наши старшие беспокоились о том же.

— И все-таки, как вы думаете, Галина Сергеевна, есть ли у нас основания для тревог?

Сегодняшние молодые, как правило, умеют постоять за себя, поспорить. Они увереннее в себе, и это очень помогает. Но вот что меня всегда тревожит — бесперспективность. Мне иногда кажется, что все друг с другом на «ты». Мы были на определенном расстоянии даже от молодых балетмейстеров. Не было панибратства, была та самая дистанция, о которой я уже говорила...

Они, молодые, разные. Мне с моими учениками интересно, я у них сама чему-то учусь.

Люди моего возраста часто говорят: «Вот мы в наше время жили по-другому». Когда я в Ленинграде уже исполняла сольные партии, нам выдавали такие «трамвайные» карточки. На право входа в трамвай с переднего плацдарма. Чтобы ноги не оттоптали. Карточки выдавали только солистам, и я ехала в театр, стоя на площадке рядом с вагоновожатым. А сейчас молодого солиста уже в двадцать лет привозит машина на спектакль.

Наверное, это хорошо. В нашей профессии есть своя специфика: ноги надо беречь. Пусть это все будет: и машины, и заграничные гастроли, и многое другое. Вот как это все в жизни выстроится? Или вернее: что главное? Мы все не аскеты. Человек живет, его радуют красивые вещи. И хорошо, когда они окружают даже очень молодого человека, если главное — творчество, работа.

— В прекрасном телевизионном фильме «Мир Улановой» один из ваших учеников, Владимир Васильев, говорит о вас: «Если кто-то из нас пойдет на компромисс в искусстве или в жизни, он потеряет ее навсегда». Можно ли прожить без компромиссов?

— Надо бы. Надо бы... Хотя как понимать это слово — компромисс? В жизни приходится уступать и иногда поступаться чем-то. Но это «что-то» у меня, например, никогда не касалось убеждений, принципов.

— Галина Сергеевна, вы говорили не раз, что самое лучшее место на земле для вас — Селигер. Вы так много ездили. Только в прошлом году вы, если не ошибаюсь, были в Швеции, Италии, Голландии. Вам не встречалось места красивее?

— Красивее? Не знаю. Но Селигер — это для души.

— Вам знакомо чувство зависти?

— Пожалуй, нет. Не очень. Только вот в юности, когда я играла на рояле, мне безумно хотелось импровизировать. Но у меня не получалось. Я могла играть только по нотам и завидовала тем, кто умел импровизировать. Сядет за рояль, и вдруг ты слышишь красивую музыку.

— Что вы цените в людях?

— Трудно сказать... Разное. Мне очень нравятся люди с порывами, смелые. Пусть порой ошибающиеся, но искренние, без фальши, без позы. Нравится, когда в человеке есть индивидуальность, «незапатентованность», что ли.

— А что не приемлете?

— Лакейство.

— А что такое лакейство?

— Когда гсворят то, что не думают.

— Галина Сергеевна, на что бы вы употребили совсем свободную неделю?

— Летом, наверное, поехала бы на Селигер. Там цветы такие — молочай. Длинные, длинные. Но самому берегу растут.

— А зимой?

— А зимой — в Ленинград.

Е. БРУСКОВА.